

РАБОТА С ТРАНСПОКОЛЕНЧЕСКОЙ ПЕРЕДАЧЕЙ ТРАВМЫ МЕТОДОМ РАССТАНОВОК: СЛУЧАЙ НАТАЛИИ

Поднебесная Екатерина Борисовна

кандидат психологических наук, психолог, Центр
«Открытая реальность» (г. Москва)
eka.pod@yandex.ru

WORK WITH THE TRANS-GENERATIONAL TRANSMISSION OF TRAUMA BY THE METHOD OF SYSTEM CONSTELLATIONS: NATALIA'S CASE

E. Podnebesnaya

Summary: Systemic Constellations came to Russia more than 20 years ago. Today, this method of psychotherapy is acknowledged by professionals and is included in the list of psychotherapeutic and consulting modalities of the Professional Psychotherapeutic League (PPL). However, there are still practically no articles on constellations in academic publications. This state of affairs slows down research in this area and inhibit constellations to develop as a scientifically based method. The description of the case, which has described in this article, is going to give a possibility for look at the method in more detail for all interested parties. Also, will provide additional information to researchers in the field of modern methods of psychotherapy.

Keywords: psychotherapy, modern methods of psychotherapy, system constellations, deputies, effective method, psychotherapeutic help, time-stable result, case description, relationship with daughter, transmission of trauma, intergenerational transmission, trans-generational transmission, ancestral system, ancestral influence.

Аннотация: Расстановки в Россию пришли больше 20 лет назад. Сегодня этот метод психотерапии признан профессионалами и включен в перечень психотерапевтических и консультационных модальностей Профессиональной психотерапевтической лиги (ППЛ). Однако статей, посвященных расстановкам, в академических изданиях по-прежнему практически нет. Такое положение вещей тормозит исследования в данной области и не дает развиваться расстановкам в качестве научно обоснованного метода. Описание случая, приведенного в нашей статье, позволит более подробно познакомиться с методом всем заинтересованным лицам и даст дополнительную информацию исследователям области современных методов психотерапии.

Ключевые слова: психотерапия, современные методы психотерапии, расстановки, заместитель, эффективный метод, психотерапевтическая помощь, устойчивый во времени результат, описание случая, отношения с дочерью, передача травмы, межпоколенческая передача, транспоколенческая передача, родовая система, влияние предков.

Мы живем в беспокойное время. Современный мир становится источником бесконечного количества травм как для отдельного человека, так и для целых групп. Вместе с тем, мы все являемся частью своего рода и так же подвержены влиянию травмирующих событий, участниками которых были наши предки. Порой такая травма по силе не уступает биографическим переживаниям, а ее действие способно распространяться на несколько последующих поколений. Проблематика межпоколенческой передачи психического травматизма является открытием в психологии XX века и актуальна как в теоретическом, так и в практическом плане [Тарабрина, Майн, 2013].

Экстремальный травматизм может передаваться от поколения к поколению - такая гипотеза была выдвинута в начале 60-х годов прошлого столетия, когда клиницисты встревожились числом детей, обращавшихся в клиники Канады, а также других стран, родители которых пережили холокост [Danieli, 1998]. Действие травмы может распространяться на несколько поколений вперед. Так современные исследования доказывают факт эмоционального воздействия военных

действий не только на непосредственных участников событий, но и на представителей последующих поколений [Рикель, Федорова, Бовина, 2021]. Передача травмы может быть как межпоколенческой, так и чрезпоколенческой [Granjon, 1989, Mijola, 2004]. Межпоколенческая передача подразумевает передачу прямую, в рамках реального контакта, ее можно наблюдать со стороны, а транспоколенческая/чрезпоколенческая касается отдаленных поколений. Передача информации происходит посредством памяти. Именно благодаря памяти, индивидуальной и коллективной, создается история поколений [Kaes, 2009]. Коллективная память дает возможность ее носителю идентифицировать себя с группой, поддерживать социальную идентичность, помогает группе осознать свое единство и своеобразие, определить групповые ценности, нормы и поведение [Ассман, 2014; Paez, 2011]. Когда представители одного поколения становятся свидетелями значимого исторического события, то коллективная память и эмоциональные реакции на такие события могут быть рассмотрены как важнейшие конструкты, объединяющие поколения [Нора, 1998]. Содержанием коллективной памяти становятся только значимые со-

бытия, актуальные в рамках совместного общения, что делает ее важной для поколенческого дискурса [Емельянова, 2019]. Коллективная память содержательно совпадает с социальными представлениями о прошлом [Liu, Hilton, 2005; Moliner, Bovina, 2019]. При этом актуализация этих представлений и воспоминаний осуществляется, в том числе, с помощью различных символов, т. е. коллективная память по своей природе символична [Рикёр, 2004]. Если травматическое событие предков было психически переработано, символизировано, (вписано в индивидуальную память как опыт, получивший статус прошлого, воспоминания,) потомку передается не только содержимое опыта, но и способы его психической переработки и совладания с ним. Модели совладающего поведения, полученные от предков, становится ресурсом в жизни последующих поколений [Крюкова, 2009; Сапоровская, 2008]. Однако передается не только опыт преодоления. Когда субъект не смог психически переработать травму в силу ее интенсивности, длительности, индивидуальной значимости, особенностей его адапционных и защитных механизмов, пережитый травматизм остается «сырым материалом», фрагментированным, плохо или совсем невербализованным, неструктурированным, несимволизированным [Тарабрина, Майн, 2013]. Такой «серый материал», достигающийся в наследство потомкам, является не только не переработанным, но и недосказанным. Постыдные вещи или слишком тяжелый травматизм часто удаляются из истории поколений. Так уход непобедных сторон войн в «подсознание» общества исследователи называют «слепым пятном памяти» [Гудков, 2004]. Боясь травмировать близких, родители окружают молчанием болезненное событие, пережитое ими [Tisseron, 2007]. Особенно это касается историй, угрожающих идеалам семьи. Связаны они обычно с темами рождения, социального исключения, болезней, смертей. Вокруг таких тем организуется секрет. Секрет — это информация, которую запрещено знать, раскрывать, которую надо прятать. Если он раскроется, может нарушиться стабильность семейной системы. Сначала молчание касается только темы секрета, но постепенно оно распространяется на большую часть информации, даже косвенно касающуюся секрета. Если же носитель секрета говорит на эту тему, то отрывочно, противоречиво, туманно.

Но секрет все равно передается. Точнее, передается незнание, запрет на знание и знание незнания [Майн, 2017]. Анхаров с соавт. [Ancharoff, 1998] указывают, что молчание может передавать травматичные послания также ощутимо, как и слова. Информация, получаемая ребенок от своих родителей и других родственников, кодируется не только в вербальной, но и невербальной модальностях. Вербально передаются исторические факты, семейные истории, мифы, традиции, ценности, идеалы, суждения, установки по отношению к другим людям и группам. Передаваемые мифы являются носи-

телями смысла, они объясняют мир и то, что мы в нем делаем [Anning, 1997]. Невербально же передается отношение к сообщаемым фактам, то есть аффект, который обнаруживает себя в интонациях, жестах, поведении. Иногда вербальное послание отличается от невербального: рассказ о каком-то внешне ординарном событии может сопровождаться сильным или противоположным по модальности аффектом, причем сам передающий может не замечать этого диссонанса, что может говорить о работе вытеснения. А. Мижоля [Mijolla, 2003] утверждает, что каждый человек конструирует представления об элементах своей предыстории и персонажах, живых и мертвых, принимающих в ней участие, из официальной семейной хроники, но также из аллюзий, мимики, жестов, многозначительного молчания. Всегда, добавляет Мижоля, есть в окружении ребенка кто-то, кто является носителем послания, информации, даже так называемой секретной, часто неполной, искаженной, малопонятной. Он называет «визитерами Я» идентификации с персонажами истории субъекта, подверженные вытеснению, которые возвращаются в странностях поведения, симптомах, снах, а также произведениях искусства. Эти идентификации проявляются в разные моменты и могут противостоять друг другу.

Результатом становятся пертурбации в отношениях с детьми и в их психическом функционировании. Таким образом, во втором поколении секрет бывает окружен стыдом. То, что было невысказанным, становится невыразимым, вербальная репрезентация отсутствует. Содержание игнорируется, но само наличие секрета чувствуется и вызывает вопросы. В третьем поколении ребенок, а потом и взрослый, может иметь ощущения, эмоции, потенциальную активность, образы, которые ему кажутся странными, не объяснимыми ни его собственной психической жизнью, ни историей его семьи [Tisseron, 2007]. Метафорически можно сказать, что межпоколенческая передача — это психическое питание, как вскармливание молоком — питание физическое. Но иногда структурирующая, питательная передача смешивается с патологичной, с передачей непереработанных травм. Чем больше родители отдадут себе в этом отчет, тем больше они могут дать новую питательную ценность тому, что они передают [Houzel, 2010]. Хотя родители ответственны за феномены межпоколенческой передачи травматизма, но и они такие же жертвы, как и их дети.

Б.В. Зейгарник своим открытием о приоритете в памяти незавершенных действий относительно завершенных, по сути, дает обоснование необходимости осмысления и переживания травматических событий, относящихся к истории твоего рода и возникающих в качестве «белых пятен» в жизни последующих поколений [Шеманова, 2016]. Процесс дезидентификации, то есть выделение того, что было передано, позволяет восстановить историю, принадлежащую прошло-

му, и, как следствие, дает больше свободы субъекту в формировании своей индивидуальности [Тарабрина, Майн, 2013]. Вписывание травмы, пусть даже не своей, в субъективный мир конфликтов и фантазий позволяет интегрировать этот опыт и превратить его в структурирующий вместо деструктивного. Раскрытие белых пятен семейной истории приводит к более цельному переживанию себя, своей идентичности и своей жизни [Шеманова, 2016].

Что касается особенностей психологической и психотерапевтической работы с последствиями межпоколенческой передачи, очевидно, что необходимо обращение к истории субъекта не только индивидуальной, но и семейной, групповой. М. Винар [Vinar, 1988] убежден, что репарация должна проходить через социальное поле, поскольку социальный травматизм имеет уровень ужаса или подавления, и очень сложно репарировать его только в рамках индивидуальной психотерапии. Х. Фламанд [Flamand, 2000] считает, что психоисторический и этнопсихиатрический подходы в клинической практике могли бы привнести измерение, которого не достаёт традиционным подходам. А.А. Шутценбергер [Шутценбергер, 2005] предлагает метод психодрамы в сочетании с геносоциограммой для выявления межпоколенческих сценариев.

Одним из перспективных методов в работе с трансколенческой травмой является метод расстановок. В нашей стране расстановки появились сравнительно недавно. Отправной точкой развития этого метода психотерапии считается 2001 год. Тогда были изданы первые книги по системным расстановкам: Г. Вебера «Два рода счастья» [Вебер, 2001] и Б. Хеллингера «Порядки любви» [Хеллингер, 2001]. В этот же год Хеллингер первый раз приехал в Москву и продемонстрировал использование метода лично. В следующем 2002 году в Институте консультирования и системных решений открылась первая программа подготовки консультантов по системным расстановкам. За это время расстановки получили широкое признание у профессионалов. Подтверждению этого является официальное признание метода Профессиональной психотерапевтической лигой (ППЛ), как психотерапевтической и консультационной модальности.

На сайте этой организации директор Института консультирования и системных решений Михаил Геннадьевич Бурняшев так описывает суть расстановок: «Системно-феноменологическая психотерапия (консультирование) и клиент-центрированные расстановки® — метод психотерапии и консультирования, который позволяет клиенту осознавать, а психотерапевту видеть, различные феномены личного и коллективного

бессознательного клиента — чувства, фильтры восприятия, симптомы, субличности, роли, модели взаимодействия, цели, личные, семейные, родовые, организационные сценарии, а также то, как клиент взаимодействует с окружающими его системами. Основным инструментом метода является клиент-центрированная расстановка, в которой, благодаря осознанному, направленному, добровольному и групповому переносу (смещению), содержимое бессознательного клиента (его памяти) экстернализируются в виде статических и/или динамических образов пространстве группы при групповой форме работы или при помощи фигур, напольных якорей, в воображении клиента при индивидуальной работе. При помощи прояснения запроса происходит фокусирование на конкретной теме (проблеме), желаемом результате изменений для клиента, недостающих ресурсах и препятствиях. Фокусирование активизирует, связанные с запросом клиента, области бессознательного, а клиент-центрированная расстановка выступает в роли «зеркала» для этих областей. В процессе работы, психотерапевт сопровождает клиента из области проблемы в область решения, помогает находить клиенту необходимые для этого ресурсы, осознавать и преодолевать препятствия. Результатом работы является создание для клиента образа решения, который в дальнейшем переносится в жизнь клиента, а психотерапевт помогает клиенту закрепить решение».¹

Представление о расстановках можно почерпнуть из приведенного ниже описания случая.

Случай Натальи²

На расстановку пришла женщина. Свою проблему она описала так: *«Детей у меня двое, сын и дочь. И если к сыну чувствую любовь, тепло, то к дочери пусто. Я забочусь о ней, но как бы из головы. Чтоб была сыта, чтоб у нее было все что нужно. Я знаю, что люблю ее, но вот тепла нет. Как будто перекрыто все. Так же и у меня с моей мамой. Брата она любит, а ко мне относится механически».*

Из сидящих в зале клиентка выбирает двух человек - один становится заместителем дочери, второй заместителем ее самой. Фигуры матери и дочери стоят на некотором расстоянии друг от друга. Дочь чувствует себя хорошо, маму видит и тоже относится к ней хорошо. Фигура матери же напротив не смотрит на дочь, ей страшно даже поворачиваться в ту сторону. По моей просьбе, заместитель клиента разворачивается в сторону дочери и смотрит на нее. Но всего лишь пару мгновений. Потом она закрывает лицо руками и отворачивается обратно. По-видимому, она проецирует на дочь свои негативные переживания. Выяснить с чем они связаны, каковы их истоки является

1 <https://oppl.ru/komitetyi/sistemno-fenomenologicheskaya-psihoterapiya-konsultirovanie-i-klient-tsentrirovannyye-rasstanovki.html>

2 Имя клиентки изменено.

задачей расстановки. Для решения этой задачи в первую очередь необходимо освободить фигуру дочери от маминых проекций. С этой целью заместителя дочери накрываю обычным шарфом. Заместителя клиентки прошу концентрироваться на шарфе. Переносу шарф на другого человека, выбранного из зала - теперь проекция является отдельной фигурой, для удобства будем называть ее «шарфик». Заместитель дочери уходит в дальний угол зала. Часто фигура, освобожденная от проекции клиента, никак не участвует в расстановки почти до самого конца процесса. Забегая вперед, скажу, что так получилось и в этот раз.

Следующим шагом за спиной заместителя клиентки по иерархическим уровням родовой системы раскладываю квадраты бумаги, схематически представляющие членов ее рода. Предлагаю «шарфику» пометить членов рода, с которыми он связан. Ими оказываются прадедушка по материнской линии и его тесть. Странное сочетание фигур. Обращаюсь к клиентке, как могут быть связаны прадедушка со своим тестем. «Конечно связаны. И прадедушка с прабабушкой, и прабабушкины родители жили в Питере, - поясняет клиентка, - Они там все вместе блокаду пережили».

Тем временем «шарфик» встает в центр помещения. Прадедушка и его тесть неподалеку, на некотором расстоянии друг от друга. Мужские фигуры чувствуют себя хорошо, друг к другу относятся хорошо. На фигуру «шарфика» они не обращают внимание. «Она какая-то маленькая, поэтому внимание не привлекает», - говорит прадедушка про «шарфик». И действительно, заместитель «шарфика» увлеченно играет кисточками от шарфа, который лежит у него на плечах. Высказываю предположение - Возможно «шарфик» замещает фигуру ребенка? Прадедушка с тестем согласно кивают. «Девочка», - вносит поправку заместитель «шарфика». Дальше мы будем называть эту фигуру «девочка».

Что это за девочка? Возможно, речь о внебрачном ребенке? Прадедушки или его тестя. Прошу заместителя девочки поочередно подержать за руки одну и вторую мужскую фигуры. Ни один из заместителей кровной связи не чувствует. Возможно, это нерожденный ребенок, поэтому связь слабая. Ведь события происходили во время блокады, возможно, беременность не окончилась рождением ребенка. А во время ли блокады? Ввожу тестовую фигуру, называю ее «блокада Ленинграда». Новая фигура обходит остальных заместителей. «Я тут есть, но я как фон», - говорит она. Остальные фигуры соглашаются с ее словами. Эту тестовую фигуру я вывожу из расстановки, она существенным образом здесь ничего не меняет.

Что же это за девочка... Может все же речь идет о нерожденном ребенке прадедушки и прабабушки? Нерожденном или рано умершем. Ввожу в расстановку заместителя прабабушки. Она сразу уходит к дальней стене

зала, - «Нет-нет, я не с ними. И девочку эту я не знаю». На девочку она даже не смотрит. Как впрочем и девочка на нее. Тут начинает говорить клиентка, - «Нет, не так. Это моей бабушки не было с ними в блокаду. Ее вывезли из города в эвакуацию. С родителями остались только два ее старших брата». Ввожу заместителей бабушки и двух ее братьев. Братья остаются рядом с мужчинами, а заместитель бабушки отходит к стене, противоположной той, у которой стоит прабабушка, ее мать. Фигура бабушки никак не участвует в процессе до самого конца расстановки. Заместитель среднего брата подходит к девочке. «У меня есть с ней связь», - говорит он. Он ее отец? Сколько же лет было ему в то время? Ввожу заместителя мамы этой девочки. Прадедушка кивает новой фигуре. Спрашиваю его об этом жесте. «Я поздоровался. Мне она знакома. Соседка, наверное», - поясняет он. Тесть поддакивает. Вновь введенная фигура улыбается и пошатывается. «А я кажется пьяная», - сообщает она. Спрашиваю у нее, кто же отец ее дочери. «Мне кажется я девушка легкого поведения. Сама не знаю кто отец моего ребенка, - она обводит взгляд всех присутствующих заместителей мужчин, - Но это точно не они. Среди них нет отца моей дочери». Средний брат с облегчением вздыхает, - «Все так. Мы играли вместе с этой девочкой, подружка. Мы дети». Спрашиваю у мамы девочки о связи с дочерью. «Мне нет дела до нее. И вообще мне кажется я ее продала, за водку, - мать хихикает, - Им и продала», - рукой указывает на семью соседей. Дальше она облокачивается о стену и безучастно смотрит в окно, происходящее больше ее не интересует. Пока я ломаю голову над разгадкой этой истории, мальчики, их отец и их дедушка встают вокруг девочки кольцом и начинают двигаться по кругу. Девочка смеется, - «Это игра такая? Они как папуасы хоровод вокруг меня водят». От догадки у меня мороз по коже пробегает. Из зала приглашаю новую фигуру, на ухо говорю ей заместителем кого она будет. Все же это тестовая фигура и не стоит заранее шокировать окружающих. Новая фигура встает за спину девочки. Кольцо родственников вокруг девочки сжимается, подошла даже прабабушка. Прадедушка протягивает руки к девочке и говорит, обращаясь к тестю, - «А ты держи ноги». Девочка кричит, - «Это не веселая игра! Мне страшно!» Наверное, уже все догадались как называется новая фигура. Но всё же говорю ее название вслух - «каннибализм». Заместитель прабабушки закрывает лицо руками и плачет.

Дальше следуют разрешающие фразы, выстраиваю иерархический порядок участников, совершаются ритуальные поклоны. И отдельный поклон съеденной девочке, ведь благодаря ей удалось выжить членам рода клиентки. В финале расстановки заместитель клиентки подходит к фигуре дочери и крепко обнимает ее.

Через пять дней мне пришло письмо от этой клиентки: *«Хотела по итогам расстановки поблагодарить! Можно бы было годами ходить по психологам, но так и*

не разобраться с этим! Что-то освободилось в груди, сразу же. Облегчение пришло. С дочкой чувствую, что гораздо душевнее стало, тепло пошло.

Самое интересное, что где-то глубоко я как будто знала все это. Все эти рассказы, что прадедушка был ценным на заводе человеком и получал повышенную пайку... и что прабабушка была высококлассной белошвейкой и даже в блокадном Ленинграде находились люди, готовые платить за ее работу.. не очень верилось».

Дальнейшие предположения позволяют объяснить, как возникла проблема клиентки. Возможно, прадед клиентки со своим тестем приняли решение об акте каннибализма и реализовали его. Что логично, как старшие мужчины семьи. Именно на эти фигуры рода указал заместитель проекции «шарфик». Но ели добытое такой ценой мясо все присутствующие члены семьи, предполагаем, что все, включая мать семейства. В литературе встречаются описания подобных эпизодов в блокадном Ленинграде. Возможно, именно ради выживания собственных детей женщины шли на подобные вещи. Для этого надо было выключить чувства. Съеденным ребенком была ДЕВОЧКА. Дочка соседки. Мать ела мясо знакомой девочки. Такого женская психика выдержать не может. Мы в поле видели, как прабабушка просто отходит – сбегает – не хочет признавать знакомого ребенка, блокирует любые свои чувства к ней. Дальше, когда блокада закончилась и семья снова соединилась с эвакуированной дочкой. Мать уже не могли смотреть на нее как на ребенка, как на ДЕВОЧКУ. Принимать ее близко к сердцу было равносильно принятию того, что произошло со знакомой девочкой во время блокады, произошло в их семье. Поэтому все чувства к родной дочери просто выключились.

Похожее описание есть у Тарабриной и Майн – травмированный родитель может стремиться освободить свое сознание от мучительных воспоминаний и эмоций посредством их подавления. Чувство вины, стыда и поврежденный образ себя расщепляют личность. Она уже не в состоянии переживать эти чувства как интегрированную часть себя. Ребенок такой личности неизбежно сталкивается с опасными отщепленными частями, воспоминаниями и эмоциями, которые родитель проецирует на ребенка [Op den Velde, 1998].

Проецирует и превращается в бесчувственную мать в отношении ребенка. Складывается определенная модель поведения, которая усваивается ребенком. Эвакуированная из блокадного Ленинграда дочка усвоила модель матери – любить сыновей, к дочерям «относится механически» (выражение клиентки). И когда она уже сама стала мамой, так же любила сына и не видела свою дочь (об этом рассказывала клиентка перед началом

группы). Ее дочь, клиентка, так же в свою очередь любит сына и не смотрит на свою дочь как на ребенка, не принимает ее близко к сердцу. Может ли разрушить эту модель всего одна расстановка?

Готовя эту статью, я обратилась к клиентке за разрешением публикации ее случая. С момента расстановки прошло чуть больше года, так же интересно было узнать, как за это время изменилось состояние ее проблемы. Ответ привожу без исправлений: *«Сейчас (прошло больше года): отношения с дочерью гораздо ближе, мы подолгу разговариваем, и если раньше это было механически, фактами, то сейчас у меня получается слушать ее, вместиать ее чувства. Появилось тепло, хочется обнять, поцеловать, купить что-то вкусное, чем-то порадовать. Не знаю, как объяснить, теперь прямо тепло к ней идет из рук.*

С моей мамой тоже отношения стали теплее. С ее стороны может и так же. Но с моей стороны тепла больше. Какая-то преграда ушла. Что очень запомнилось прошлым летом – смотрели старые фотоальбомы, и тут мама рассказала все что у нее на душе, оказалось большая вина висит на ней с детства. Раньше она мало рассказывала про всю ту ситуацию. А тут она разговорилась, а у меня получилось все это вместить и пережить вместе с ней (сейчас модно говорить скорейнивать))))) проплакали все это втроем, я, мама и моя дочка

Точно не скажу, наверное, с женщинами вообще стало проще общаться. На работе и со знакомыми. Я вроде как «своя» среди женщин. Женщина-начальница относилась с настороженностью, сейчас как-то проще, еще одна сотрудницы меня все гнобила, сейчас заботится и наверное считает подругой)) я как-то не особо с женщинами дружила и подруг особо нет».

Случай Натальи можно назвать наглядной демонстрацией эффективности оказания психотерапевтической помощи методом расстановок. Мы можем констатировать тот факт, что в результате проведенной работы произошло радиальное изменение отношения клиентки к ее дочери, которое носит устойчивый во времени характер. Однако случай предоставлен не только для демонстрации. Для дальнейшего развития психотерапии в цивилизованном русле необходимо продолжать движение в сторону различения научно обоснованные психотерапевтические подходы и методы от тех, которые не имеют научного обоснования или не имеют достаточной доказательной базы [Перре, 2020]. Укрепление доказательной базы метода расстановок дело будущих исследователей. Именно их внимание мы надеемся привлечь публикацией данной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение. 2014. 328 с.
2. Вебер Г. Два рода счастья: Системно-феноменологическая психотерапия Берта Хеллингера. М.: Институт Консультирования и системных решений, 2001. 332 с.
3. Гудков Л.Д. Негативная идентичность. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 816 с.
4. Емельянова Т.П. Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. 299 с.
5. Крюкова Т.Л. с соавт. Психология межпоколенных отношений: конфликты и ресурсы. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2009. 340 с.
6. Майн Н.В. Индивидуальная и межпоколенческая психотравматизация кандидатов в замещающие родители. На правах рукописи. 2017 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.str.i-docx.ru/38psihologiya/374454-1-mayn-nadezhda-vladimirov...>
7. Нора П. Поколение как место памяти // Новое литературное обозрение. 1998. № 30. С. 48—72.
8. Перре М. Признание образовательных программ по психотерапии для психологов: возможные пути регулирования на государственном уровне // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Том 28. № 4. С. 144—166.
9. Рикель А.М., Федорова Н.В., Бовина И.Б. Между горем и гордостью: визуальные методы для исследования межпоколенческих особенностей эмоциональных переживаний и коллективной памяти о войне // Консультативная психология и психотерапия. 2021. Том 29. № 4. С. 127—143.
10. Рикёр, П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 728 с. 22.
11. Сапоровская М.В. Исследование межпоколенных связей в семейном контексте [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2008. N 2 (2). URL: <http://psystudy.ru>
12. Тарабрина Н.В., Майн Н.В. Феномен межпоколенческой передачи психической травмы (по материалам зарубежной литературы) // Консультативная психология и психотерапия. 2013. Том 21. № 3. С. 96—119.
13. Хеллингер Б. Порядки любви. Разрешение семейно-системных конфликтов и противоречий. — М.: Издательство Института Психотерапии, 2001.
14. Шеманова Н.А. Опыт разрешения травмы, вызванной знакомством с архивным следственным делом репрессированного родственника // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Том 24. № 1. С. 169—180. doi:10.17759/cpp.2016240111
15. Шутценбергер А.А. Синдром предков: Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциограммы // пер. с нем. М.: Изд-во Института психотерапии, 2005. 253 с.
16. Ancharoff M.R. et al. The legacy of combat trauma: Clinical implications of intergenerational transmission // Y. Danieli (Ed.), International handbook of multigenerational legacies of trauma New York: Plenum Press, 1998. P. 257—276.
17. Anning S. La famille: lieu d'ancrage, temps de passage // Therapie familiale. 1997. Vol. 18. № 2. P. 127—139.
18. Danieli Y. Families of survivors of the Nazi Holocaust: Some short and longterm effects. Research Perspective // Danieli Y. (ed.). International Handbook of Multigenerational Legacies of Trauma. New York and London: Plenum Press. 1998. P. 43—68.
19. Flamand H. La transmission intergénérationnelle des traumatismes // Psychologie Quebec. 2001, 10. P. 26—28.
20. Granjon E. Transmission psychique et transferts en thérapie familiale psychanalytique // Gruppo. 1989, 5. P. 47—58.
21. Houzel D. La transmission psychique. Paris: Odide Jacobe, 2010.
22. Kaes R. Les alliances inconscientes. Paris: Dunod, 2009.
23. Liu J.H., Hilton D. How the past weighs on the present: Social representations of history and their role in identity politics // British Journal of Social Psychology. 2005. Vol. 44. P. 537—556.
24. Moliner P., Bovina I. Architectural Forms of Collective Memory // International Review of Social Psychology. 2019. Vol. 32. DOI: <https://doi.org/10.5334/irsp.236>
25. Mijolla A. Prehistoires de famille. Paris: PUF, 2004.
26. Mijolla A. Les visiteurs du moi. Paris: Les belles lettres, 2003.
27. Op den Velde W. Children of Dutch war sailors and civilian resistance veterans // Y. Danieli (Ed.), International handbook of multigenerational legacies of trauma. New York: Plenum Press, 1998. P. 147—162.
28. Paez D.R., Liu J.H.-F. Collective memory of conflicts. In: D. Bar-Tal (Ed.). Frontiers of social psychology. Intergroup conflicts and their resolution: A social psychological perspective // Psychology Press. 2011. P. 105—124.
29. Tisseron S. Secrets de famille. Mode d'emploi. Paris: Marabout, 2007.
30. Vinar M. Exil et torture. Paris: Denoel, 1988.

© Поднебесная Екатерина Борисовна (eka.pod@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»